

Книги
ДЖЕЙМСА ХЭДЛИ ЧЕЙЗА
в серии
«Звезды классического детектива»

Лучше бы
я остался бедным
·
Весна в Париже
·
Сильнее денег
·
Перстень Борджиа
·
Шутки в сторону
·
Дело о наезде
·
Запах денег
·
Карьера убийцы
·
Он свое получит
·
Весь мир в кармане
·
Ты за это заплатишь
·
Карточный домик
·
Итак, моя радость...
·
Без денег ты мертвец

Джеймс Хэдли

ЧЕИЗ

**БЕЗ ДЕНЕГ
ТЫ МЕРТВЕЦ**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

**БЕЗ ДЕНЕГ
ТЫ МЕРТВЕЦ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда температура воздуха упала ниже нуля, а на тротуарах выросли сугробы, жизнь в Нью-Йорке лишилась всякого смысла. Я страстно жаждал солнца. Два года я не был в Парадиз-Сити, и теперь мне не терпелось расслабиться в шикарном «Испанском заливе» — лучшем отеле на флоридском побережье.

Я как раз продал пару рассказиков в журнал «Нью-Йоркер», а моя последняя книга вот уже полгода держалась третьей в списке бестселлеров, так что о деньгах можно было не думать. Неприглядный вид из окна — серое небо, снег, люди снуют, как муравьи, где-то далеко внизу, съжившись от порывов ледяного ветра, — придал мне решимости, и я потянулся за телефонной трубкой.

Телефон — это чудо удобства. К вам приходит идея, и телефон претворяет ее в реальность, если, конечно, у вас есть деньги. Деньги у меня были, так что через несколько минут я беседовал с Жаном Дюлаком, управляющим отелем «Испанский залив» в Парадиз-Сити. Еще через несколько минут для меня был зарезервирован номер с видом на море и балконом, залитым солнцем десять часов в день.

Тридцать шесть часов спустя я приземлился в аэропорту Парадиз-Сити, где сияющий белый кадиллак ожидал меня, чтобы доставить в отель, сказочное

место, в котором каждый из пятидесяти постояльцев мог рассчитывать на VIP-обслуживание.

Первую неделю я провел, наслаждаясь жарким солнцем, болтая с куколками и налегая на еду, а потом вспомнил про Эла Барни.

Два года назад этот местный бич — толстяк с внушительным пивным брюхом — подкинул мне идею для книги.

Он называл себя Барни Ухо Востро. Если он и не знал чего-то о тайной городской жизни — криминале, сексе и прочей мерзости, — то лишь того, что и во все не стоило внимания.

Я спросил Дюлака, тут ли еще Барни.

— Конечно. — Он улыбнулся. — Парадиз-Сити без Эла Барни как Париж без Эйфелевой башни. Вы всегда найдете его в таверне «Нептун» или где-то возле нее.

Так что после превосходного ужина я спустился к набережной, над которой витали самые разнообразные запахи. Народу была тьма — туристы, увешанные гирляндами камер, рыбаки со своими лодками — едва ли на всем флоридском побережье имелось более живописное место.

Я нашел Эла Барни сидящим на причальной тумбе возле обшарпанной таверны «Нептун». Он был одет в ту же рваную и грязную фуфайку и те же штаны с жирными пятнами, которые были на нем при нашей первой встрече. Кто-то подлатал его фуфайку и сделал это чертовски плохо, — возможно, что и он сам. Он торчал там как обломок кораблекрушения среди бурлящего моря туристов, сжимая в своей огромной руке пустую банку из-под пива.

Сказать, что Эл Барни переживал не лучшие дни, не сказать ничего. Лучшие дни Эла Барни, очевидно,

прошли давным-давно. Дюлак поведал мне, что когда-то Барни управлял школой дайвинга и сам был крутым дайвером. Поверить в это сегодня, видя его сидящим на причальной тумбе возле таверны «Нептун», было сложно. Пиво разрушило его. Обрюзгший, лысеющий верзила с лицом, загоревшим до черноты под флоридским солнцем, маленькие синие глазки безостановочно рыскают вокруг в поисках возможности срубить бабла, — он напоминал стервятника в ожидании добычи.

Мое приближение Барни заметил.

Он напрягся, подобрал огромный живот и выбросил пивную банку в море, и я понял, что он вспомнил меня. Я был для него сродни долгожданному оазису для бредущего по пустыне.

— Здорово, Барни, — сказал я, останавливаясь рядом с ним. — Помните меня?

Он кивнул, и его маленький рот с опущенными, как у окуня, уголками губ растянулся в подобии улыбки.

— Да... конечно, я вас помню. У меня хорошая память. — Он озадаченно посмотрел на меня. — Вы мистер Кэмпбелл... писатель.

— Наполовину верно. Писатель, но не Кэмпбелл. Кэмерон, — ответил я.

— Да... Кэмерон... точно. Память на лица у меня отменная. Это же вам я рассказывал ту байку про брильянты Эсмальди, верно?

— Именно так.

Он почесал волосатую руку.

— Вы написали книгу об этом?

Уж настолько легкой добычей я не был. Я покачал головой.

— Ну что ж, это была хорошая история. — Он снова почесался и глянул на дверь, ведущую в таверну «Нептун».

— Я же Барни Ухо Востро. Хотите услышать что-то новенькое?

Я сказал, что всегда не прочь услышать что-то новенькое.

— Про марки Ларримора хотите? — Он изучающе уставился на меня.

— Марки... а что насчет марок? — спросил я.

— Хороший вопрос. — Он сунул руку под фуфайку и почесал пузо. — Вы что-нибудь знаете про марки, мистер?

Я признал, что не знаю о марках ничего.

Он кивнул и перестал чесаться.

— Я тоже ничего не знал, пока не услышал о марках Ларримора. Я держу ухо востро. У меня есть связи. Есть друзья; газетчики, которые болтают. Даже копы болтают, а я слушаю. — Он вытер тыльной стороной кисти обветренные губы. — Хотите послушать?

Я сказал, что марки меня не интересуют.

Он кивнул:

— Ясное дело. Они не интересовали и меня, но вот эта тема действительно интересная. Давайте-ка выпьем пивка. — Он тяжело поднялся. — Никто, кроме меня, не знает этой истории целиком, а я узнал ее потому, что уши держу открытыми, а рот закрытым. Пойдемте потолкуем.

Он двигался сквозь толпу, как бульдозер сквозь груды щебня. Завидев его, люди спешили убраться с дороги, отскакивали от него, как от грузовика. Я шел следом, понимая, что мысли его заняты пивом, а ко-

гда Элу Барни надо выпить — только тот, кто оплачивает счет, может рассчитывать на его внимание.

Когда мы вошли в таверну «Нептун», Сэм, черный бармен, лениво полировал стакан. Увидев меня, он заметно оживился. Сэм не только сразу узнал меня, но и мгновенно смекнул, что в течение ближайших нескольких часов он неплохо заработает, обильно снабжая нас пивом, и получит хорошие чаевые вдобавок.

— Добрый вечер, мистер Кэмерон, сэр, — сказал он, просяив. — Давненько вас не было видно. Рад, что вы снова здесь, сэр. Что будете?

— Два пива, — сказал я и, поскольку так принято в Парадиз-Сити, пожал ему руку.

Барни уже взгромоздился на скамью у окна и поставил локти на заляпанный стол. Сэм принес нам два стакана пива. Я сел напротив Барни. Порядок был мне известен. Спешить не стоило.

Барни заговорит не раньше, чем утолит жажду. Он тянул пиво медленно и непрерывно, не отнимая губ от стакана, пока тот не опустел. Затем поставил стакан, утер рот предплечьем и испустил долгий вздох облегчения. Мне не пришлось сигналить Сэму. Он уже был у стола со следующей порцией пива.

— Знаете ли, мистер, в мои годы, — начал Барни, — пиво становится великим утешением. Были времена, когда я ходил к женщинам. Теперь женщины ничего не значат для меня, но пиво помогает мне держаться. — Он почесал свой приплюснутый нос, расплывшийся на половину лица. — Это из-за женщины у меня такая носопырка. Ее муж застукал нас, а был он знатный боксер. — Барни покачал головой, беря стакан. — Мне повезло, что он всего

лишь дал мне по морде... А то мог бы отделать меня и покрепче.

Я отхлебнул пива, затем зажег сигарету. Наступила пауза, во время которой я пытался представить, каков был Барни в свои лучшие дни, — это было не просто.

— Как мистер Дюлак? — спросил Барни. — Не видал его несколько недель.

— Отлично, — ответил я. — Сказал, что этот город без вас стал бы как Париж без Эйфелевой башни.

Барни ухмыльнулся:

— Он джентльмен... Я не часто такое говорю... Большинство богатеньких кретинов, живущих здесь, даже не знают, что слово «джентльмен» означает. — Он опустошил свой стакан наполовину, затем задумчиво посмотрел на меня. — Так вы хотите услышать о русских марках Ларримора, мистер?

— Что в них такого интересного?

— Все, что стоит миллион долларов, интересно, — решительно сказал Барни. — Меня поражает, что клочки бумаги с картинкой могут столько стоить. Я и не думал об этом, пока не узнал всю эту хреновенькую насчет марок и о том, что люди с ними делают. — Он наклонился вперед и ткнул в моем направлении пальцем толщиной с крупный банан. — Вы знаете, что некоторые люди за железным занавесом вкладываются в марки, чтобы было с чем уехать из страны? Знаете, что некоторые покупают марки, чтобы не платить подоходный налог? А еще — что их используют как иностранную валюту?

Я ответил, что слышал про такие случаи, но какое это все имеет отношение к человеку по имени Ларримор?

— Это длинная история, — сказал Барни. — Расскажу вам эту байку на тех же условиях, что и в прошлый раз... если хотите, конечно.

Я гнул свою линию — марки меня не интересуют.

Он допил пиво и со стуком поставил стакан на стол. Не было нужды привлекать внимание Сэма, который опирался на барную стойку, провожая взглядом каждый его глоток. Он подошел, бухнул на стол еще один стакан, забрал пустой и удалился.

— Понимаю вас, — сказал Барни. — Вам неинтересны марки, потому что вы ничего не знаете про них. Из этой истории вы сможете сделать книгу. Скажу вам кое-что: если бы я умел сочинять, я бы ни за что ею не поделился. Написал бы об этом сам, но, поскольку писать я не умею, согласен на сделку. Ну так что?

Я сказал, что, раз уж я на каникулах и в принципе заняться больше нечем, я бы послушал.

Его маленькие глазки буравили меня.

— На тех же условиях, что и в прошлый раз?

— Условиях? Каких еще условиях?

Медлить он не стал. Барни мог не помнить моего имени, но он определенно помнил, сколько вытряс из меня за свою прошлую историю.

— Пива сколько захочу, немного еды и несколько баксов на жизнь.

— Идет.

И я расстался с двадцатью долларами. Он сунул купюры в карман брюк и подозвал Сэма.

— Вы не разочаруетесь, мистер. Есть хотите?

Я сказал, что не голоден.

Он неодобрительно покачал головой:

— Когда представляется шанс поесть, мистер, надо есть. Никогда не знаешь, сколько придется ждать следующего обеда.

Я сказал, что учту на будущее.

Настала пауза, затем Сэм принес трехэтажный, сочащийся жиром гамбургер и водрузил его перед Барни. Тот удовлетворенно ухмыльнулся. На мой вкус, гамбургер выглядел не аппетитней дохлой кошки.

Барни начал жевать, а я ждал. Он явно тянул время.

Одолев второй этаж гамбургера и прикончив свое пиво, он откинулся на спинку скамьи, привычно вытер губы предплечьем и приготовился рассказывать.

— Куча людей была втянута в эту историю с марками, — начал он. — Чтобы ввести вас в курс дела, начну с Джоуи Лака и его дочери Синди. Потом расскажу о Доне Эллиоте. — Он сделал паузу и уставился на меня. — Вы помните Дона Эллиота?

— Кинозвезду?

Барни кивнул:

— Именно. Вы видели когда-нибудь его фильмы?

— Это не он унаследовал амплуа Эррола Флинна? Годится только на то, чтобы подраться в кадре.

— Можно и так сказать, но у него есть фанаты. Эллиот снялся в шести фильмах, и они принесли ему немалый барыш.

— Я не слышал этого имени уже несколько лет. Что с ним случилось?

— Всему свое время, мистер, я вернусь к нему попозже. Хочу рассказать вам эту историю в правильном порядке. — Барни нетерпеливо поглядел в сторону Сэма, который наливал следующий стакан пива. — Шаг за шагом... одно за другим, все в свое время. Расскажу вам ее по-своему, чтобы вы во всем разобрались.

Я сказал, что согласен, и не мог бы он уже приступить?

— Начну-ка с Джоуи Лака и его дочери Синди, это уменьшительное от Люсинды, они играют большую роль в похищении марок Ларримора. — Он лукаво взглянул на меня. — Держу пари, вы никогда и не слышали, что эти марки стоимостью в миллион долларов были украдены?

Я сказал, что если б и услышал, это бы меня вряд ли заинтересовало.

Барни нахмурился. Он хотел разыграть драму и все никак не мог получить от меня нужной реакции.

— О самой краже я расскажу в свое время.

Он сделал паузу, чтобы атаковать третий этаж своего отвратительного гамбургера, который уже превратился в жирное месиво. Некоторое время он жевал, затем откинулся на скамью, насытившись; водрузил свои огромные ручки на стол и подался вперед. Я понял, что он наконец-то готов перейти к делу.

— Джоуи Лак... Вот только с именем ему и повезло¹, — начал Барни. — Джоуи Лак был щипачом. — Барни помолчал и продолжил: — Вы знаете, кто такой щипач, мистер?

Я сказал, что знаю: это такой человек, который сует свои руки в чужие карманы и тащит из них все, что там находит.

— Именно так. Джоуи был мелким воришкой. Если он поднимал сотню долларов в неделю, что ему, вообще-то, нечасто удавалось, то ощущал себя как минимум Генри Фордом. Джоуи всегда думал и действовал скромненько, и это было умно, потому что копы никогда не добивались до него. Многие карманники играют по-крупному и оказываются за решеткой, но

¹ Фамилия героя — Luck — «удача» (англ.).

Джоуи был не такой. Он вообще ни разу не попался. Хочу, чтобы вы поняли как следует, мистер Кэмпбелл, что Джоуи...

Я перебил его, чтобы напомнить, что мое имя — Кэмерон. Решил, что пора бы прояснить это раз и навсегда.

— Верно... Кэмерон... точно. — Он поскреб кончик носа, поерзал на месте и продолжил: — Как я уже говорил, Джоуи не был плохим парнем. Вообще-то, можно даже сказать, что он был славным парнем. Я ладил с ним. Когда у него были лишние деньги, что случалось не часто, он мог и пивком угостить. Вот как он выглядел: высокий, худой, с копной седеющих волос, лицо обычное, ничем не примечательное, вы такие каждый день видите в толпе людей, спешащих по делам. Его и описать-то непросто — зацепиться не за что. Всегда в потертом сером костюме и замасленной соломенной шляпе. Ему было тогда около пятидесяти. Джоуи рано женился, и жена его умерла при родах дочурки, которую он назвал Люсиндой. Я слышал, Джоуи никогда особенно не ладил с женой, так что эта потеря не сильно его расстроила. А вот от Синди он был без ума. Джоуи дал ей приличное образование, но и секрета из того, чем занимается, не делал. Синди его обожала и, как только окончила школу, стала его напарницей. Он научил ее всем своим хитростям, и ко времени, когда ей стукнуло восемнадцать, она уже была таким же отличным щипачом, как и он сам, а это кое-что значит. В летние месяцы они работали в Нью-Йорке, а к зиме переезжали сюда. Здесь им было где развернуться, но они продолжали воровать по мелочи, живя вполне сносно и без больших амбиций.

Он замолчал, уставившись в свой стакан, а затем продолжил:

— Опишу вам Синди. Ей было двадцать лет, и она была великолепна. Я повидал немало девчонок ее возраста, но ни одна из них не шла ни в какое сравнение с Синди. Она была высокой, как и ее старик. Блондинка, с такой фигурой, что машины на улице останавливались, и с такими ногами, что, бывало, и сталкивались. Джоуи беспокоился из-за ее внешности. Он понимал, что рано или поздно появится мужчина и тогда он потеряет ее. Эта мысль была ночным кошмаром Джоуи. Он просто не мог представить свою жизнь без нее. В свои двадцать Синди не проявляла интереса к парням. Ей было из кого выбирать, но она в эти игры не играла. Шататься с Джоуи, карманничать, домохозяйничать — всего этого, кажется, ей хватало. Джоуи молился, чтобы так оно и продолжалось, но он понимал, что обманывает себя.

Чтобы сделать картинку более полной, я кратко опишу вам их обычный день. Они поздно вставали, за кофе обсуждали меню на день. Они любили хорошо поесть, но не любили дорого за это платить. Джоуи придумал гениальный план, как добывать всю еду и напитки, какие им нужны, в близлежащих магазинах самообслуживания — бесплатно и без всякого риска. Он смастерил легкую овальную корзину с открывающимся верхом, которую Синди привязывала к животу. Поверх она надевала платье для беременных, с помощью макияжа добавляла бледности лицу. Опираясь на руку отца, она выглядела как храбрая маленькая женщина, ожидающая своего первого ребенка. Их не только везде вперед пропускали,

они и подозрений-то никаких не вызывали: Синди пихала в корзину лучшие куски мяса и все, что было нужно для хорошего обеда, Джоуи загораживал ее от любопытных глаз. Это милое маленькое жульничество обеспечивало их вкусной едой совершенно бесплатно. Потом они возвращались к себе, и, пока Синди готовила ланч, Джоуи читал вслух те статьи из газеты, которые он находил интересными. После ланча они отправлялись в разные стороны. Синди обрабатывала магазинчики, в то время как Джоуи работал в автобусах. Они снова встречались около пяти часов вечера с достаточным количеством денег, чтобы где-то поужинать и отложить немного на черный день. Потом они смотрели телик до отхода ко сну, и следующий день становился повторением предыдущего. Не совсем то, что называется «волнующий образ жизни», но их все устраивало.

Барни кивнул Сэму, который как раз поставил перед ним еще один стакан пива.

— Здесь у них было арендовано на пять лет маленькое бунгало на бульваре Сивью — ничего особенного, но им нравилось, они были, как я уже говорил, люди без амбиций. Приезжали, заселялись и вели тот же образ жизни, что и в Нью-Йорке. — Барни сделал паузу, чтобы хлебнуть пива. — Но этот приезд в Парадиз-Сити стал совсем другим. Видно, удача отвернулась от Джоуи. Случилось то, чего он страшился: Синди влюбилась.

Барни собрал пальцем остатки жира с тарелки и облизал его.

Я спросил, не хочет ли он еще один гамбургер.

— Не сейчас, спасибо, возможно, немного позже, — сказал он. — Что ж, Синди влюбилась, и вот